

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

ВETERАН

1

Он был болен и знал, что умрет.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ,
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»
И закашлялся.

И тишина.

И оставил меня без ответа.

2

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

Владимир Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошел трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Лауреат ряда литературных премий. Участник двенадцати антологий поэзии. Автор пятнадцати книг стихов. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол, и усмешкой коверкает рот,
И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает.

* * *

Не начавшись, закончилось лето —
Льют дожди день и ночь напролет.
Дистрофичной полоской рассвета
Перечеркнут вдали небосвод.
Не июль, а какая-то мука!
Я готов согласиться на снег!
Приплывала знакомая с... —
Голубейших кровей человек:
Ротик пухленький, злые ресницы,
Из глазенок вода в три ручья...
Предлагала валить за границу —
У нее там живут сыновья,
У нее там на съемной квартире
Днем с огнем не сыскать комара,
У нее дважды два — не четыре —
И за сорок — совсем не жара.
Укатила, назвав (меня!) — диким!
Не поспоришь — свое есть свое...
Я собрал ей в дорогу клубники,
Ведь улитки так любят ее!

* * *

На озерах ноябрь вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая руками лицо.

Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться, —
Темно-синяя грусть затопила с утра целый свет —
Перелетные птицы смогли на нее опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!

ПРЕДЗИМЬЕ

Опускается белое, белое
На дороги, деревья, дома...
Это облако переспелое
Надевает на город зима.

Верховодит со знанием дела —
В подворотни метет, во дворы...
А за городом осень несмело
Из собачьей глядит конуры.

Подзову и по шерсти поглажу —
С пегой осенью мне по пути,
А жена ей местечко покажет
От камина шагах в десяти.

Пью чаек из прадедовой кружки,
По наследству доставшейся мне...
Осень спит в уголке, на дерюжке,
И сопит, улыбаясь во сне.

* * *

Ночь у камина. Весна.
Что-то сегодня не спится.
Звездная колесница
Мчится в проеме окна.

На пол упал уголек
И потемнел, остывая.
Псина сторожевая
Вдруг заворчала у ног.

Тонкий ломается лед —
Кто-то под окнами ходит.
Что-нибудь произойдет
Или уже происходит...